

Кати Зафт

По правде говоря

Кати Зафт

По правде говоря

<https://litres.ru/74218743>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самое простое слово становится самым тяжёлым. «Это я». Митя долго не может его выговорить — обида, страх и привычка винить других держат крепче любых цепей. Но когда слово наконец звучит, оно не рушит мир, а возвращает в него справедливость и тепло.

«По правде говоря» — история про то, как один поступок может всё испортить, а одно признание — всё спасти. Про городок из дощечек, про оранжевый футбольный мяч, про торт, который должен был стать чудом, и про то, что настоящее чудо — это когда тебя всё равно любят, даже если ты ошибся.

Иллюстрации сгенерированы автором в Шедевруме (Pro, коммерческое использование разрешено)

Кати Зафт

По правде говоря

Лето — лучшая пора. Каникулы, когда с утра никуда не надо торопиться, а весь день можно прожить не по расписанию, а по настроению. В доме у Мити сейчас суматоха: вся семья готовится к папиному дню рождения. Завтра за праздничным столом соберутся родственники и друзья, будут смеяться, болтать, а потом взрослые, ничуть не стесняясь, наравне с детьми примутся играть в какие-нибудь весёлые игры. От этого праздник всегда получался по-настоящему тёплым.

На летней веранде папа собирает стол, а рядом старательно ему помогает Митя. Мальчику десять лет, и в такие минуты ему особенно хочется быть полезным: будто, прибавляя доску или подтягивая ножку, он доказывает, что уже почти взрослый. Из кухни доносится такой запах, что у Мити в животе само собой урчит, хотя он недавно позавтракал. Мама печёт торт для папы. И не просто печёт — она его украшает.

Для торта мама использует отдельный шкаф-холодильник — не тот, где хранится вся еда, а небольшой, аккуратный, с матовым стеклом. В семье его так и зовут — «тортовый». Мама строго предупредила: до завтрашнего дня к «тортовому» никому не подходить. Торт должен настояться, чтобы крем лёг ровно, а коржи стали именно такими, какими им

положено быть.

Верка, старшая сестра Мити, не думает о столах и украшениях. Она — главный нападающий дворовой команды и ни за что не пропустит турнир. Мяч у неё особенный: ярко-оранжевый, с одной заклеенной трещиной — будто у него уже своя история. С этим мячом Вера не расстанется.

Митя поглядывал на сестру и тихонько ворчал про себя. Ну её: важничает, что старше на три года, вечно пытается чему-то научить. А чему она научит, если сама вечно во что-нибудь впутается? Недавно этот самый оранжевый мяч залетел в соседский двор и разбил окно в сарае. Да и в школе Вера только тройки приносит, а родители ставят в пример Митю. От этого она лишь фыркает и уходит, хлопнув дверью.

Во дворе тем временем совсем другая жизнь. Там шумит летний день: скрипит старая качель, которую кто-то раскачивает всё сильнее; мальчишки выкрикивают короткие, быстрые команды — будто это не дворовый турнир, а настоящий чемпионат.

— Ой, что за грохот во дворе? — голос папы вырывает Митю из его мыслей.

И правда, по двору прокатился резкий, неприятный грохот — совсем не такой, как удары мяча о забор. Этот звук был тяжелее, будто что-то большое и хрупкое рухнуло разом.

— Я сбегая, посмотрю! Я мигом! — Митя бросает доску и срывается с места.

Он добегают до угла и замирает. Перед ним — то, что ещё

недавно было его деревянным городком. Целую неделю он старательно выстраивал дороги, возводил стены, подгонял дощечки так, чтобы всё стояло крепко. Городок вышел большим и аккуратным — почти настоящий.

А теперь он разгромлен. Дороги смяты, стены повалены, башни рассыпались. И посреди этого разрушения лежит тот самый оранжевый мяч — тот самый, который Вера ни на минуту не выпускает из рук. Всё сразу становится понятно.

— Ой, Мить, прости, я нечаянно, — Вера пожимает плечами. — Мы не специально, — добавляет она и пытается улыбнуться, будто эта улыбка может всё исправить: и сложенные стены, и неделю стараний.

Но Мите не хочется улыбаться. Внутри у него всё сжимается от несправедливости, и обида ложится тяжёлым комком где-то под рёбрами — такой, что даже дышать становится чуть труднее. «И что, вот так просто «прости»? Я его неделю собирал!» — мелькает у него в голове, и от этой мысли ком становится только тяжелее.

Вера в своей привычной манере подхватила мяч, будто ничего и не случилось, и удрала обратно к своей команде. А Митя так и остался стоять с открытым ртом — от этой её лёгкости, от этой почти весёлой небрежности становилось ещё обиднее. «Ну вот за что мне такая сестра!» — пронеслось у него в голове, и на секунду ему даже захотелось крикнуть ей вслед что-нибудь резкое, но слова застряли где-то в горле.

Он поплёлся к папе, еле сдерживая слёзы. Шаги получа-

лись тяжёлыми, будто к каждому ботинку привязали по кирпичу. Папа сразу всё понял по его лицу.

— Что, опять Вера? — тихо спросил он.

Митя только кивнул, на большее не решился, чтобы не выдать дрожь.

— Что на этот раз? — папа чуть повысил голос. Он всегда так делал, когда Верка что-то портила, — не кричал, но в этом тихом напряжении слышалось разочарование. На Митю он никогда так не говорил: Митя его просто не расстраивал.

— Она мой городок... В прах, — выдохнул мальчик, и в этом «в прах» уместилась вся его боль: неделя стараний, аккуратные дощечки, придуманные улицы — всё рассыпалось за одну секунду.

— Ну, Вера! Ну как так-то?! — воскликнул папа, и в его голосе смешались досада и усталость. Потом он тут же повернулся к Мите, стараясь говорить спокойнее: — Не переживай, мы с тобой его после дня рождения вместе соберём. Лучше прежнего сделаем.

Остаток времени они с папой потратили на стол. Шурупы крутились, доски стыковались, но прежней болтовни не было. Тишина теперь лежала между ними тяжёлая — как будто слова куда-то разлетелись и не хотели возвращаться. Митя злился и никак не мог понять, как у Веры всё получается так просто: разбила — и побежала дальше, будто мир от этого не треснул.

После обеда родители уехали за продуктами. Перед выходом из дома они старались хоть как-то растормошить Митю: весело шутили, смеялись. Но Митя не поднимал глаз, не отвечал. Он был целиком погружён в своё горе, и все эти попытки его развеселить только царапали, потому что напоминали: праздник-то всё равно будет, торт будет, а его городок уже не вернуть.

Верка сидела у себя в комнате — то ли пряталась от всех разговоров, то ли и правда не думала ни о чём плохом. Она воткнула наушники в уши и листала что-то в телефоне, удобно расположившись на своей кровати.

А Митя попробовал начать собирать свой разбомблённый городок. Он наклонился, потянулся к самой целой дощечке, будто если начать с неё, всё как-то само сложится, будто упрямство и аккуратность смогут пересилить то, что случилось. Но ничего не складывалось. Каждая деталь теперь казалась не просто ненужной — чужой.

От этой упрямой несостыковки злость вспыхнула заново, горячая и колючая, и он, сам не замечая, дёрнул, толкнул, поддал ногой то, что ещё оставалось целым. Руины рассыпались окончательно, с каким-то особенно обидным шорохом, будто даже дерево устало держать эту форму.

Митя замер, глядя на эту грудку щепок и дощечек, и вдруг понял, что сломал не только то, что Вера разбила, — он сам только что добил остатки своего труда. И от этого стало ещё горче: будто он позволил обиде сделать за него то, чего не

хотел.

Тогда Митя побрёл на кухню. Там, на самой середине стола, стоял торт. Огромный, в три яруса, он выглядел как маленькое чудо: белоснежный крем, россыпь ягод, тонкие узоры. А на самом верху, точно в центре, красовалась маленькая фигурка папы — будто он уже празднует, улыбается и ничего не знает про сломанный городок и про обиду, которая никак не хочет утихать.

Но стоило Мите опустить взгляд под стол, как восхищение тортом рассыпалось, будто кто-то резко задул все праздничные огоньки. Прямо там, у ножки стола, лежал этот самый оранжевый мяч — такой привычный и в эту минуту невыносимо чужой.

Митя и сам не понял, как рука сама метнулась вниз и схватила его. Ему хотелось разорвать этот мяч на мелкие кусочки, стереть с лица земли, чтобы не напоминал ни о сестре, ни о сломанном городке, ни об этой несправедливости. Но мяч, упрямый, плотный, будто и правда отлитый из стали, только насмешливо пружинил под пальцами.

Тогда Митя со всей силы швырнул его на пол и пнул что было мочи. В этот удар он вложил всю горечь, всю обиду, всё то, что копилось с того самого грохота во дворе. Он не думал ни о «тортовом» холодильнике, что стоял совсем рядом, ни о самом торте, который ещё минуту назад казался чудом. В ту секунду у него в голове не было ничего, кроме желания выпустить эту злость наружу, дать ей хоть какой-то выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.